

Линь Цинфэн сжала вибрирующий телефон, размышляя, какими словами закончить этот сладкий роман, пропитанный ароматом матча-чизкейка. Чем дольше она думала, тем сложнее ей было расстаться с Янцзы — тем высоким худощавым мальчишкой, который при ходьбе смешно пружинил на носках. Но стоило представить, что между ними лягут не только горы и моря, но и пропасть в уровне знаний, как сердце сжалось от решимости. Пальцы быстро застучали по клавиатуре: Мы расстаемся. Всего пять знаков, но пальцы от напряжения ныли, а ладони, сжимавшие телефон, вспотели. Она замерла в ожидании ответа.

Прошло много времени, прежде чем пришло короткое: М-м.

Сердце Линь Цинфэн будто стиснула чья-то мощная рука. Боль была такой острой, что потемнело в глазах, а на лбу выступил холодный пот. Неужели он так легко согласился? Может, он сам ждал этого дня? В чем тогда был смысл её терзаний и нежелания отпускать его?

Когда Линь Цинфэн уже готова была рухнуть в обморок от нахлынувшего отчаяния, пришло еще одно сообщение: Я не согласен.

Что это значит? Янцзы говорит, что не хочет расставаться? Он не хочет меня отпускать, правда?

Дрожащими руками она осторожно набрала: Что ты имеешь в виду? Ты согласен на разрыв или нет?

Ответ пришел почти мгновенно: У нас все хорошо, в следующем году я приеду к тебе!

За эти несколько минут Линь Цинфэн словно проехала на американских горках, пережив целый спектр чувств. В конце концов, жизнь, напоив человека горьким лекарством, иногда подбрасывает крупницу сладости, заставляя верить, что не всё так плохо и впереди обязательно забрезжит рассвет.

Тревоги Линь Цинфэн рассеялись, зато в душе её матери накопилось столько невысказанного раздражения, что уголки губ покрылись язвочками, а во рту расцвел стоматит. При этом ей приходилось постоянно отвечать на звонки родственников, выражавших своё фальшивое сочувствие.

В это лето телефоны матери и дочери работали на износ: один передавал нежные признания влюбленных, другой — вежливые расспросы родни. Чем больше утешений слышала мать, тем горше становилось у неё на душе. Ей казалось, что она видит сквозь телефонную трубку, как собеседники растягивают губы в фальшивых улыбках, произнося слова поддержки, в то время как в их глазах сквозит насмешка.

Двоюродная сестра Цинфэн, Фан Фан, тоже сдавала экзамены в этом году. Благодаря своему усердию она набрала 536 баллов. Для топового вуза этого было маловато, но для Линь Цинфэн

такой результат был недостижим. Родственники, звонившие в дом, постоянно сравнивали девушек и приходили к выводу: Линь Цинфэн училась спустя рукава, целыми днями смотрела глупые сериалы, тогда как Фан Фан даже в час ночи зубрила английские слова в туалете. Провал Цинфэн на экзаменах был закономерным. Даже сама Линь Цинфэн начала в это верить, а взгляд матери стал таким тяжелым, что, если бы та узнала о её ранней любви, это лето могло бы стать для девушки последним.

Вечером, как обычно, раздался телефонный звонок. На этот раз звонила Фан Фан. Из-за неоднозначного балла она боялась выбирать вуз: выберешь хороший — не попадешь на нужную специальность, выберешь специальность — не попадешь в хороший вуз. А мать Линь Цинфэн, будучи учителем, могла помочь с выбором, поэтому Фан Фан позвонила договориться о встрече.

Мать Цинфэн любила прилежную и языкастую Фан Фан и назначила встречу на утро. Совсем не то что Линь Цинфэн, которая, вернувшись на родину, молчала, пока её не позовут к столу. Фан Фан же улыбалась каждому и легко поддерживала любую беседу. Если бы Цинфэн не была старше на год, мать могла бы подумать, что в роддоме их перепутали — уж больно Фан Фан была похожа на неё саму.

Рано утром Линь Цинфэн проснулась от нужды и пошла в туалет, как вдруг услышала, что мать ввалилась в дом, с грохотом выгружая пакеты с продуктами. Цинфэн не удержалась:

— Ничего себе, сколько всего! Прямо как на свадьбу. О, смотри, рыба и креветки еще прыгают, а курица еще в крови!

Вспомнив вчерашний ужин из тарелки пустой зелени, яичницы с помидорами и разогретого по десятому разу супа из утки, она поняла, что мать сегодня расстаралась.

— Не о еде думай, — отрезала мать. — Если бы ты хоть половину этой энергии тратила на учебу, поступила бы в любой вуз, и мне не пришлось бы краснеть перед людьми!

Линь Цинфэн уныло поплелась в свою комнату.

— Приберись там, вещей столько, что ступить негде, не позорь меня перед сестрой! — скомандовала мать.

Цинфэн послушно сложила одеяло, сгребла в ящик резинки и ключи. Больше делать было нечего. Пол и так был вымыт до блеска. Одежду нужно было убрать не из-за беспорядка, а из-за того, что Фан Фан, будучи того же размера, постоянно рылась в шкафу и выпрашивала понравившиеся вещи. Мать, желая казаться щедрой перед племянницей, всегда соглашалась, не замечая, как чернеет лицо дочери.

Позже Цинфэн придумала хитрость: прятала любимые вещи в шкаф матери, куда сестра не заглядывала. Но то ли мать раскусила её план, то ли ей стало жаль отпускать Фан Фан с пустыми руками, но с тех пор, покупая одежду дочери, она всегда брала вторую такую же для племянницы. Это привело к тому, что питание в доме стало заметно хуже, и Цинфэн, чтобы сохранить хоть какие-то остатки вкусной еды, перестала просить обновки. В шкафу остались

лишь старые вещи, выцветшие от стирок.

Нож ритмично стучал по доске, скороварка шипела, выпуская пар, и по дому разнесся дразнящий аромат тушеной свинины. От этого запаха живот скрутило от голода.

Скоро обед, а Фан Фан всё нет. Линь Цинфэн, ответив на сообщение Янцзы, решила позвонить сестре, чтобы узнать, где она и не нужно ли её встретить на вокзале. Она набрала номер дважды, но ответа не было. Тревога усилилась, и она подумала, не сходить ли к перекрестку навстречу.

<http://bllate.org/book/21753/2249207>